

УДК 910.1

ПОХИЩЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ (по поводу статьи В.Л. Каганского)

© 2010 г. В.А. Шупер

Институт географии РАН

Поступила в редакцию 23.06.2009 г.

Предпринятая В.Л. Каганским трактовка теоретической географии как “концептуальной герменевтики ландшафта” совершенно безосновательна. Теоретическая география – фундаментальная наука, исследующая пространственную самоорганизацию географических явлений различной природы на наиболее общем, абстрактно-теоретическом уровне. Она изучает объективную реальность, а не ее субъективное восприятие отдельными лицами. Понимание теоретической географии, заложенное в 1962 г. В. Бунге, является общепринятым в научном сообществе и его грубое искажение абсолютно недопустимо.

Статья В.Л. Каганского [7], посвященная выходу трех книг трудов Б.Б. Родомана [16–18], вызывает недоумение с первой же фразы: “Завершено издание первого в современной России крупного труда по теоретической географии” [7, с. 112]. Помилуйте, спросит мало-мальски заинтересованный читатель, если теоретическая география успешно развивалась в СССР, если отечественные географы советского периода не только вели плодотворную исследовательскую работу в области теоретической географии, но и защищали ее со всей решительностью от идеологических нападков со стороны наиболее консервативной части научного сообщества, то какие глубокие причины заставляют противопоставлять советскому периоду в развитии теоретической географии постсоветский, значительно менее плодотворный? Ведь и рассматриваемые книги Б.Б. Родомана представляют собой переиздание или переизложение (а иногда и просто переименование) его работ, опубликованных в советский период, с весьма незначительными добавлениями более поздних произведений, в частности, политических памфлетов в книге [17], которые едва ли заслуживали переиздания.

Но, может быть, все дело в небольшой стилистической погрешности, которой и не следует придавать значение? никоим образом. Чуть ниже на той же странице В.Л. Каганский пишет: “Родословная теоретической географии проста: немцы современники – А. Гумбольдт, путешественник, географ, общественный деятель и К. Риттер, ка-

бинетный географ и прозорливый теоретик, экономист И. фон Тюнен, оказавшийся гениальным географом – П.П. Семенов-Тянь-Шанский – его сын-ученик В.П. Семенов-Тянь-Шанский – не теоретики А.Н. Ракитников, Н.Н. Баранский и еще ряд лиц – Родоман – далее” [курсив и пунктуация источника].

Такая трактовка “родословной теоретической географии” не столько проста, сколько постыдна. Среди “ряда лиц” оказались все творцы теории размещения хозяйства и населения, кроме И.Г. фон Тюнена – Л. Лаланн, предвосхитивший в XIX в. ряд существенных положений теории центральных мест, Й. Коль, изучавший в том же столетии транспортные сети, А. Вебер, В. Лаунхард, Т. Паландер, А. Лёш, предложивший первые картоиды, иллюстрирующие механизмы образования гексагональных решеток [9, с. 165]¹ и получивший ряд других интереснейших результатов в области картоидного моделирования, У. Изард [3], развивавший картоиды рыночных зон А. Лёша [11, с. 47]. В списке литературы, состоящем более чем на треть из сочинений самого В.Л. Каганского, равно как и в основном тексте статьи, нет ни этих славных имен, ни имен географов, таких как В. Кристаллер, основоположник теории центральных мест, разработавший в 1932 г.

¹ У автора есть претензии и к самому Б.Б. Родоману, обошедшему вниманием эти достижения А. Лёша не только в своей статье “Основные процессы пространственной дифференциации [14]”, но и при повторной публикации изложенных в ней результатов в 1999 г. [16, с. 45–48].

первые картоиды с гексагональными решетками, В. Бунге, который и ввел в 1962 г. понятие теоретической географии в своей одноименной монографии [1], П. Хаггет, также много сделавший для развития теоретической географии и неоднократно ссылавшийся на В. Бунге в своей ставшей заслуженно известной книге [20], К. Канский, стоявший у истоков теоретико-географического изучения транспортных сетей [23], Р. Морилл [24], одним из первых исследовавший эволюцию пространственной структуры центральных мест. Нет и наиболее видных отечественных теоретико-географов, среди которых следует назвать хотя бы В.М. Гохмана, Ю.В. Медведкова и Ю.Г. Саушкина [2]. На с. 117 все же сказано, что на кафедре, “где Саушкин провозгласил теоретическую географию”, спецкурс, ранее читавшийся В.Л. Каганским, более не преподается. Достойно сожаления, что только такие драматические события смогли привести к упоминанию Ю.Г. Саушкина в критикуемой статье, единственному, да и то без инициалов.

Печальная истина состоит в том, что истоки подобного, мягко говоря, своеобразного взгляда на возникновение и развитие теоретической географии следует искать в сочинениях самого Б.Б. Родомана. Так, в одной из рассматриваемых В.Л. Каганским книг Б.Б. Родоман пишет: «Я с удовольствием принял “теоретическую географию”, стал под ее знамя и вместе с Ю.Г. Саушкиным размахивал своим флажком даже перед ученым советом, как тряпкой перед быками. Не удивительно, что в конце концов меня заботили. Ушел из жизни Ю.Г. Саушкин (1911–1982), ушли туда же или уехали далеко его соратники по “количественно-теоретической революции” в советской географии (см.: В.А. Шупер, 2001 г.). Никто даже из тех, кто понимал и одобрял мои работы и еще вчера мне аплодировал, не употреблял больше термина “теоретическая география” и очевидно в нем не нуждался. Само это понятие на географическом факультете МГУ сделалось одиозным. Я остался наедине со своим нераспроданным товаром. Но что было делать, если мои лучшие произведения были помечены клеймом “*Made in Theoretical Geography*”. Я не отрекся от теоретической географии и продолжал свое дело (см.: 1999 г., прил. IV). Сегодня в России найдется дюжина авторов, чьи работы отвечают моим представлениям о теоретической географии, но только двое, я и В.Л. Каганский (2001) выделяют ее как особое научное направление и все время настойчиво выступают от ее имени. Лет десять назад мы шутили, что нам нельзя летать в одном самолете. После выхода нескольких книг мы уже

сможем садиться рядом, если, конечно, кто-нибудь оплатит наши авиабилеты [17, с. 16]».

Автор от всей души желает Б.Б. Родоману и В.Л. Каганскому благополучно долететь до места назначения и даже найти спонсоров для своего путешествия, но при этом не может не заметить, что и сам (чтобы далеко не ходить за примером) отнюдь не отказался от употребления термина “теоретическая география” и использовал его даже в названиях своих статей [19, 21]. Но это, разумеется, мелочь. Значительно важнее другое. Разве любая работа по теоретической географии должна содержать четкое указание на принадлежность именно к этой предметной области? Разве статья о растительном покрове Северного Прикаспия или озерах Южного Урала заведомо не принадлежит к биогеографии или гидрологии соответственно? Если в научном сообществе существует консенсус относительно предметной принадлежности тех или иных исследований, то нет нужды всякий раз эту принадлежность подчеркивать, обязательно указывая, например, в статье по теории суперструн, что она относится к теоретической физике. Впрочем, и это не самое важное. Куда важнее то, что в международном географическом сообществе относительно теоретической географии такой консенсус есть.

С 1969 г. в США выходит ежеквартальный журнал “*Geographical Analysis. An International Journal of Theoretical Geography*” (Международный журнал по теоретической географии). Готовит его департамент географии Университета штата Огайо, а публикует издательство Wiley-Blackwell. На главной странице сайта журнала [25] редакция представила статьи, задающие направленность и уровень рассмотрения проблем (Highlights). Вот они:

География, пространство и наука: перспективы исследований с точки зрения миграций и географической классификации (William A.V. Clark);

GeoDa: введение в анализ пространственных данных (Luc Anselin, Ibnu Siabri, Youngihn Kho);

От пространственного анализа к геопрограммной науке (Brian J.L. Berry, Daniel A. Griffith, Michael R. Tiefelsdorf);

Задача максимального покрытия с некоторыми отрицательными весами (Oded Berman, Zvi Drezner, George O. Wesolowsky);

Анализ пространственного строения, основанный на типе, ориентации, размере и форме (Emily Atwood Williams, Elizabeth A. Wentz).

С 1975 г. регулярно, раз в два года, проводятся Европейские коллоквиумы по теоретической и количественной географии. Первый из них состо-

ялся в Страсбурге, предпоследний, 15-й прошел в сентябре 2007 г. в Монтрё [22]. Очередной, 16-й коллоквиум проходил в сентябре 2009 г. под Дублином. Как участник предпоследнего из состоявшихся коллоквиумов, автор может засвидетельствовать, что между европейскими и американскими географами нет никаких видимых расхождений в понимании теоретической географии, тем более что американские и канадские географы исправно участвуют в этом традиционном мероприятии европейских коллег. Понятно, что все эти достойные люди были бы крайне смущены, узнав, что “теоретическая география, по-видимому, особая герменевтика культурного ландшафта, концептуальное чтение общества по ландшафту” [7, с. 115], ибо в такой теоретической географии делать им всем совершенно нечего.

Трудно сказать, к сожалению или к счастью, наши зарубежные коллеги и не подозревают, что “в России немного самобытных научных школ мирового уровня, укорененных в национальной культуре, выросших на материале России, впитавших и кристаллизовавших его, развивающих ее научные и культурные традиции, представляющих Россию как целое в теоретическом знании. Теоретическая география пока жива, хотя и испытывает большие трудности институализации [7, с. 117]”. Здесь мы явно сталкиваемся с попыткой выпестовать чисто российский феномен, вроде мичуринской биологии. Хотя ниже В.Л. Каганский пишет: *“Если проявление несанкционированной новизны в советской географии было опасно, то анализ постулатов, методологическая рефлексия основ были совершенно недопустимы”* [7, с. 117], он явно имеет в виду свое творчество не в советский, а в постсоветский период, тем более что высказана эта интересная мысль в контексте выражения недовольства отменой его спецкурса. В советские времена В.Л. Каганский писал статьи по теоретической географии в общепринятом ее понимании, свободно проявляя при этом несанкционированную новизну, анализируя постулаты и методологически рефлексирова над основами [4] без всяких трагических для себя последствий.

Совершенно иначе смотрел на теоретическую географию в мрачные времена тоталитаризма и Б.Б. Родоман, опубликовавший в 1980 г. совместно с автором статью “Конструктивное значение теоретической географии” (Б.Б. Родоман включил ее в свою книгу [18]). Защищая теоретическую географию от идеологических нападков со стороны львовского профессора К.И. Геренчука, мы с Б.Б. Родоманом тогда писали: «К.И. Геренчук не только не признает за теоретической географией функцию выработки языка, но даже вменяет ей

это в вину. Что же касается работ И. Тюнена, В. Кристаллера, А. Лёша и У. Изарда, практическое значение которых отрицать невозможно, то наш оппонент отмечает их с порога по идеологическим соображениям, предлагая даже “очередной симпозиум (по теоретическим вопросам географии – Б.Р., В.Ш.) посвятить критическому разбору проникших в советскую географию концепций геопространства, пространственных законов расселения Кристаллера, концепций Тюнена и Лёша”» [18, с. 115]. Как видим, на рубеже 70-х и 80-х годов XX в. и те, кто защищал и развивал теоретическую географию, и те, кто стремился ее искоренить, были едины в понимании ее предмета и метода. Теоретическая география мыслилась как теоретическая сердцевина пространственного анализа.

В 1990 г. Б.Б. Родоман с блеском защитил в Институте географии АН СССР докторскую диссертацию на тему: “Объективные процессы формирования ареалов и рациональная организация территории для охраны природы и рекреации”. Невозможно отказать себе в удовольствии привести первую же фразу из его автореферата: “В диссертации рассматриваются объективные процессы формирования территориальных ареалов (районов, зон и т.п.) в ходе пространственной самоорганизации человеческого общества и высказано мнение, как можно использовать эти процессы на благо людей при конкретных географических и социальных особенностях Советского Союза” [15, с. 3]. В автореферате дается и определение теоретической географии: «Теоретическая география, в противоположность страно- и районоведению, есть чисто номографическое (законоизлагающее) научное направление, которое стремится выявлять и исследовать самые общие проблемы, понятия, закономерности, объединяющие все географические науки, изучать территориальные аспекты взаимодействия человека с природой, вырабатывать общие методы моделирования различных географических явлений» [15, с. 27].

Очевидно, что такое прекрасное определение вполне соответствует принятому в научном мире пониманию теоретической географии и вносит вклад в углубление этого понимания. Столь же очевидно, что трактовка теоретической географии как герменевтики культурного ландшафта может присниться только в кошмарном сне исследователю, работающему с объективными процессами пространственной самоорганизации. Соответственно и спецкурс В.Л. Каганского “Теоретическая география постсоветского пространства” [5], читавшийся на протяжении некоторого времени

студентам кафедры социально-экономической географии России географического факультета МГУ, такой же нонсенс, как “теоретическая физика каменного угля”, и удивляться следует не тому, что этот курс был отменен, а тому, что он был поставлен.

Если два ученых мужа решили в 90-е гг. резко изменить амплуа, как это делали тогда многие, перейдя в другую область, более близкую к географии восприятия или гуманистической географии, а может и попытавшись создать новую область, не столько науки, сколько знания, то это их сугубое право. Но кто дал им право прихватить с собой теоретическую географию, выбросив из нее как ненужный хлам большинство исследователей со всеми их исследованиями? Как вообще можно после этого говорить о школе Б.Б. Родомана, если совершенно непонятно, кого, кроме В.Л. Каганского, к ней следует относить? Автор считает себя учеником того Б.Б. Родомана, который лет тридцать назад сказал: “Мы едим, пьем, лечим болезни для того, чтобы отсрочить смерть, занимаемся наукой, чтобы забыть о смерти, и философствуем для того, чтобы примириться с ней”, а не того, который совершенно неосновательно присвоил брэнд “теоретическая география” и теперь использует его для докладов и публикаций, отнесение которых к теоретической географии совершенно невозможно, если исходить из его собственного определения 1990 г.

Причины столь вольного обращения с почтенным научным направлением, пусть и не находящимся сейчас в расцвете, но еще далеко не исчерпавшим потенциал своего развития, вполне понятны и носят не столько концептуальный, сколько чисто прагматический характер. «Создание научной дисциплины, независимой от государства, но его описывающей – значительная социальная и интеллектуальная ценность, это повышает устойчивость географии как науки и придает ей столь необходимые черты независимости. Советская же экономическая география – область государственная, государственническая и самоогосударствленная по установке, методологии, технике работы... *Теоретическая география – самая негосударственная часть отечественной географии* [курсив источника]. Равно и в своей теории административного рынка Кордонскому не была нужна какая-то государственная “информация” и “статистика” – они оба [т.е. В.Л. Каганский и С.Г. Кордонский – В.Ш.] теоретизируют на основе личностного знания, включенного наблюдения; вместо наивной веры в то, что “сообщает” объект или не менее наивного отвержения этих “сообщений”, они доверя-

ют своей силе наблюдательного рассуждения и дерзости концептуальной визуализации. Но ведь и для государственного строительства, и для общественной экспертизы могут быть осмысленно использованы только независимые научные знания. Автор статьи, развивая Родомана в направлении теоретической географии как концептуальной герменевтики ландшафта, усмотрел в нашем пространстве не хаос, множество случайностей, мир административно-восторженного абсурда, а четко и жестко структурированное как тип особое *советское пространство*» [7, с. 114, 115].

Приведенный текст по своему содержанию столь глубок и многогранен, что приходится последовательно рассматривать отдельные его грани. Прежде всего вызывает удивление подразделение науки на государственную и негосударственную. Закат постмодернизма, начавшийся еще задолго до нынешнего кризиса и существенно ускорившийся в его результате, восстанавливает в философском сообществе понимание науки как деятельности, направленной на постижение объективной истины. Более того, эта направленность рассматривается в качестве важнейшей этической характеристики науки как вида деятельности и социального института, во всяком случае, это совершенно непреложно в отношении *фундаментальной науки* [13], а *теоретическая география* обязана быть таковой. Соответственно научные высказывания должны рассматриваться с точки зрения их истинности или ложности, а не с точки зрения ведомственной принадлежности выдвинувших соответствующие положения ученых, ведь “независимые научные знания” нужны, прежде всего, для решения познавательных, а не прикладных задач. В силу этой очевидной причины вызывает серьезные возражения морального порядка попытка дискредитации ученых, работающих или работавших в исследовательских институтах и высших учебных заведениях, путем приписывания им заведомо “государственнического” взгляда на исследуемую реальность. При этом важно отметить, что подавляющее большинство отечественных теоретико-географов совмещало занятия экономической и теоретической географией.

Едва ли В.Л. Каганский был первым отечественным географом, усмотревшим в нашем пространстве не хаос и множество случайностей, а четкое структурирование, тем более что чуть ниже В.Л. Каганский указывает: “Выросшие из теоретической географии С.А. Тархов и В.А. Шупер [курсив источника] (мы пришли к Родоману еще студентами) развили большие концепции, строго показали закономерности саморазвития

транспортных сетей и самоорганизации систем центральных мест даже для СССР» [7, с. 115]. Как могли эти авторы долгие годы, да еще в советские времена, заниматься совершенно негосударственной наукой в стенах Академии наук или МГУ, как могли этим заниматься уже упоминавшиеся В.М. Гохман, Ю.В. Медведков, Ю.Г. Саушкин и другие исследователи, внесшие существенный вклад в развитие теоретической географии? Увы, мы вынуждены признать, что напускная оппозиционность по отношению к “государственной” науке на поверку оказывается заурядным маркетинговым ходом, стремлением эксплуатировать широко распространившийся в обществе анти-сциентизм, как это делает, например, академик А.Т. Фоменко, удовлетворяющий спрос на все, что дискредитирует научный разум и познаваемую им объективную истину. Примерно тем же занимается и С.Г. Кордонский, интеллектуальную общность с которым В.Л. Каганский подчеркивает неоднократно.

Хотя сочинения С.Г. Кордонского вызывают у автора категорическое неприятие, все же есть необходимость в пространном цитировании его текста, поскольку без этого нам не разобраться в трактовке теоретической географии, предпринятой В.Л. Каганским: «Для академической науки ее существование самоценно и не нуждается в каком-либо внешнем обосновании и доказательстве эффективности, а также в связях с другими государственными и общественными институтами, кроме, естественно, связей ресурсобеспечения. Эта наука предназначена для постижения истины и являет собой предмет поклонения настоящих ученых науке как инструменту постижения истины. Настоящие ученые должны служить истине, а следовательно науке, и сам факт служения при правильном исполнении соответствующих обрядов гарантирует получение нового знания. Академии наук выступают как институты воспроизводства обрядов служения науке, осуществляемых жрецами науки — членами академии. И это естественный для этой науки порядок вещей, не подлежащий сомнению и изменению... С академической точки зрения, новое — истинное — знание возникает в ходе исполнения сакральных научных обрядов, таких как эксперимент, научное доказательство или моделирование. Оно скорее чудо, чем результат труда. Далее, одних правильно исполненных обрядов для постижения истины не достаточно. Ведь истина дается только тем, кто этого достоин, а именно настоящим ученым, которыми не рождаются, а становятся в ходе многочисленных процедур научной инициации и преодоления мирских соблазнов. Если

знание получено с нарушением ритуалов или же человеком, который не прошел процедур научной инициации, то оно “не чисто”, профанно, настоящим знанием считаться не может и должно быть многократно испытано на истинность, если оно того заслуживает. В противном случае оно должно игнорироваться... Совокупность в той или иной степени документированных сакральных основ дополняется корпусом не подлежащих критике текстов, содержащих базовые теории. С точки зрения академической науки, основы устройства мира уже описаны отцами-основателями, за которыми закреплен статус научных первосвященников. Базовые догматы академической науки, такие как теории строения вещества, возникновения сущего или его эволюции лежат в основе “научного мировоззрения”, и их исповедование обязательно для членов академий. Сомнение в первоосновах приводят, в конечном счете, к каким-либо формам отлучения сомневающихся от, таким образом, организованной науки... Чем наука дальше от презренной мирской реальности, тем она истинней. Поэтому чистая математика считается главной из наук, а какое-то материаловедение или приборостроение неявно считаются периферийными, отягощенными приложениями [8]».

Не стоит подробно комментировать глубокие мысли этого модного социолога, имеющего самые поверхностные представления о науке. Отметим только, что именно приведенный взгляд на науку лежит в основе позиционирования теоретической географии как науки негосударственной и решительного отказа от поисков объективной истины, являющегося главной целью «государственных» наук. Ведь если С.Г. Кордонский и В.Л. Каганский “теоретизируют на основе личностного знания, включенного наблюдения”, то им совершенно необходимо дискредитировать саму идею объективного научного знания, на которой зиждется наука Нового времени, ибо никакая концептуальная герменевтика ландшафта или подобные ей изыски не отвечают элементарным требованиям к научным исследованиям. Что же касается личностного знания, то оно было серьезно изучено одним из основателей постпозитивизма М. Полани [12], замечательным английским физхимиком и философом науки, задолго до рыцарей постмодерна. Это знание играет огромную роль в развитии науки, но если местные постмодернисты безгранично “доверяют своей силе наблюдательного рассуждения и дерзости концептуальной визуализации”, то они не вправе требовать от научного сообщества, чтобы и оно доверяло им так, как они сами себе доверяют.

Впрочем, В.Л. Каганский едва ли согласится с подобным ограничением, поскольку заявил в своем выступлении на защите докторской диссертации М.П. Крылова в Институте географии РАН 30 марта 2007 г., что он (Каганский), М.П. Крылов и Л.В. Смирнягин могут вынести совершенно разные впечатления от посещения Борисоглебска, но истинность всех высказанных ими суждений гарантируется высоким уровнем эксперта. Возникает естественный вопрос: если подобные эксперты хотят вернуться в раннее средневековье, поскольку уже в XIII в. Фома Аквинский сказал, что из всех аргументов аргумент от авторитета наислабейший, то зачем им наука? Зачем пытаться получить признание в научном сообществе и публиковать статьи в научных журналах? Зачем добиваться ученой степени по “государственной” географии [6]²?

Ответ прост: хотя социальный статус науки и ученых драматически снизился за два последних десятилетия, он все еще достаточно высок для того, чтобы принадлежность к научному сообществу представляла существенную ценность. Наблюдаем же мы настойчивые и, к сожалению, не всегда безуспешные попытки людей, не имеющих отношения к науке, стать действительными членами или членами-корреспондентами РАН. Соответственно и на рынке консалтинговых услуг предпочтительней выступать в качестве даже не просто представителя, а одного из двух отцов-основателей теоретической географии, внушающей уважение уже одним своим названием, и предлагать при этом заказчикам продукты концептуальной герменевтики. Продукция же теоретической географии как фундаментальной науки в принципе не может быть широко востребована на рынке, подобно продукции теоретической физики, космологии и других фундаментальных наук.

Было бы сверх всякой меры экстравагантно и призывать к созданию кафедры концептуальной герменевтики ландшафта. Куда сподручней писать, что “всякая полноценная, т.е. и теоретическая дисциплина неизбежно предполагает и университетскую кафедру – *общей и теоретической географии* [выделено в источнике]... Однако нынешняя ситуация на географическом факультете МГУ такова, что рассчитывать на это не приходится. Но такая кафедра была бы полезна Высшей школе экономики или РГГУ” [7, с. 117]. Воистину, как сказал Б.Б. Родоман, всякое по-настоящему стоящее дело начинается не с отрицания отрицания и не с утверждения утверждения, а с учреждения учреждения.

Необходимо отметить и то очевидное обстоятельство, что независимость от государства вовсе не означает полной независимости. С точки зрения поиска объективной истины, зависимость от бизнеса много хуже, поскольку бизнес значительно эффективней, нежели государство в решении своих задач, а цели его еще менее благородны. Государство, как правило, вообще плохо представляет, чего оно хочет, и уже поэтому не может жестко преследовать свои цели. Кроме того, оно неизбежно становится заложником собственной демагогии – высокопарных рассуждений о преданности гуманистическим и демократическим идеалам, глубочайшем уважении к науке и т.п. Разумеется, дистанция между словами и делами прискорбно велика, но, как сказал Ф. де Ларошфуко, лицемерие – это дань, которую порок платит добродетели. Дань официально провозглашаемым принципам и целям государство платит все же не одним только лицемерием, хотя во многом именно им. Наконец, чиновники, выступающие от имени государства, распоряжаются казенными деньгами, которых им далеко не так жаль, как бизнесменам своих.

Между тем современному обществу отчаянно нужна именно наука, а не всевозможные ее имитации (симулякры, по терминологии постмодернистов). Ведь если человек не осознает, что он болен, это вовсе не означает, что он здоров. Нынешний экономический кризис – результат общего кризиса рационализма и снижения социального статуса науки как его проявления, поскольку главная причина всех бед – катастрофическое падение интеллектуального уровня. Даже после того как с огромным треском лопнул пузырь на фондовом рынке, через немногие месяцы стал надуться новый, и серьезные экономисты только разводят руками, отмечая, что рост цен на нефть и фондовых индексов совершенно не соответствует динамике макроэкономических показателей. Наука действительно создала большой задел фундаментального знания, который будет питать еще какое-то время прикладные исследования. Однако бездумное отсутствие заботы о воспроизводстве фундаментального знания ничуть не более дальновидно, чем расточительство природных ресурсов, которые, к счастью, хотя бы отчасти обладают свойством взаимозаменяемости. Научные знания таким свойством, увы, не обладают.

Наука выполняет и еще ряд важнейших социальных функций. Она – последний бастион демократии, ибо ее высокие принципы предполагают равенство всех перед истиной, в то время как эгалитарная демократия, формально основанная

² Ссылка заимствована из [7].

на всеобщем равенстве, утратила всякий смысл в результате практически безграничных возможностей манипулирования общественным сознанием с помощью СМИ. Если наука уйдет, если критерием истины станет высокий уровень эксперта, то понятно, что уровень эксперта весьма скоро будет измеряться исключительно его положением в социальной иерархии. Наконец, наука всегда была важнейшей составляющей публичной сферы, по Ю. Хабермасу, в которой люди служат обществу, а не государству или бизнесу. Именно деградация этой сферы приводит к совершенно некритическому отношению к таким сомнительным конструкциям, как концепция устойчивого развития или Киотский протокол [10], судьба которых вполне может оказаться такой же, как и “проблемы 2000” или всемирной борьбы против разрушения озонового слоя. При этом наука “государственная”, при всех ее серьезнейших недостатках, все же в большей степени приспособлена к тому, чтобы выполнять функции публичной сферы, нежели наука “частная”, во всяком случае, в нашей стране, хотя финансирование исследований с помощью грантов способствует стиранию этих различий.

Даже в повседневной жизни рядовой потребитель в наше просвещенное время почти лишен возможности получить независимую экспертизу – если эксперт не куплен, значит, он никому не нужен, но ученый, которого можно купить, по определению не ученый. Совершив поступок, грубо нарушающий этические нормы науки, он ставит себя вне ее. Наука должна служить обществу, неся золотые крупы объективного научного знания, как она это делала всегда, и исторические изменения критериев истины ничего принципиально в этом не меняют – трансурановые элементы, которые возможно наблюдать лишь в немногих лабораториях, столь же объективны, как и золото. Создание релятивистской физики стало одним из величайших достижений науки за всю ее славную историю. Долг ученых – решительно оппонировать общественным предрассудкам, а не удовлетворять извращенные потребности разлагающейся элиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунге В. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967. 280 с.
2. Вопросы географии. Сб. № 88. Теоретическая география / Под ред. В.М. Гохмана и Ю.Г. Саушкина. М.: Мысль, 1971. 200 с.
3. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 644 с.
4. Каганский В.Л. Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы / Под ред. Б.Б. Родомана и Б.М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 7–19.
5. Каганский В.Л. Теоретическая география постсоветского пространства (программа спецкурса) // www.ecoros.ru/files/kagansky-programm.doc
6. Каганский В.Л. Пространственные аспекты культурного ландшафта современной России. Авт. дис. ... к.г.н. М.: ИГ РАН, 2009 (в печати).
7. Каганский В.Л. Пространство в исследованиях Б.Б. Родомана и ученых его школы // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 2. С. 112–120.
8. Кордонский С. Служение истине и инновационное развитие // Сайт Полит.ру, раздел «Передовая наука» <http://www.polit.ru/science/2008/05/28/science.html>
9. Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. 663 с.
10. Ломборг Б. Охладите! Глобальное потепление. Скептическое руководство. СПб.: Питер, 2008. 203 с.
11. Модели в географии // Сб. статей / Под ред. Р.Дж. Чорли и П. Хаггета. М.: Прогресс, 1971. 381 с.
12. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
13. Пружинин Б.И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки. РАН. Ин-т философии; Ин-т истории естествознания и техники. М.: Academia, 2008. С. 108–121.
14. Родоман Б.Б. Основные процессы пространственной дифференциации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. 1970. №5. С. 22–30.
15. Родоман Б.Б. Объективные процессы формирования ареалов и рациональная организация территории для охраны природы и рекреации. Авт. дис. ... д.г.н. М.: ИГ АН СССР, 1990. 47 с.
16. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
17. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера // Сб. статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.
18. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды // Сб. трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.
19. Трейвиш А.И., Шупер В.А. Теоретическая география, геополитика и будущее России // Свободная мысль. 1992. №12. С. 23–33.
20. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. М.: Прогресс, 1968. 392 с.
21. Шупер В.А. Теоретико-географический подход к изучению конфигурации расселения // Изв. Всес. геогр. о-ва, 1987. Т.119. №1. С.40–46.

22. 15th European colloquium on theoretical and quantitative geography. Ed. by: Inst. of Geography of the Univ. of Lausanne, 7–11 September 2007. Montreux, Switzerland. 460 p.
23. *Kansky K.J.* Structure of transportation network: relationships between network geometry and regional characteristics // Chicago University, Department of Geography, Research Paper. 1963. № 84. 156 p.
24. *Morill R.L.* Simulation of central place patterns over time // Lund studies in geography. Ser. B, Human geography. 1962. № 24. P. 109–120.
25. <http://www.wiley.com/bw/journal.asp?ref=0016-7363> Geographical Analysis: An international journal of theoretical geography.

Theft of Theoretical Geography (towards the Article by V.L. Kagansky)

V.A. Shuper

Institute of Geography, RAS

Interpretation and critics of theoretical geography in the article by V.L.Kagansky is discussed in the article. Theoretical geography is a science, studding spatial selforganization of geographical notions of different origin at the abstract-theoretical level. It studies the reality, but not its subjective attitude by the individuals. Understanding of theoretical geography, formed in 1962 by V. Bunge is generally accepted in the scientific society and its distortion is inadmissible.